

Наступает ранняя весна

Он пишет быстро и без эскизов, но медленна эта быстрота.

Приходит ранняя весна. Тогрул выбирает дерево, или дерево избирает его. Он приходит ранним утром и садится рядом. Не рисует — смотрит. Согревается теми же лучами, что и дерево; ощущает токи того же ветра. Как бы растет рядом, в компании с деревом, сам, как дерево. Осознанно и близко переживает мгновения, когда оно наконец расцветает у него на глазах. И сам тогда наполняется соками и расцветает. «Если я пустой, ничего не сделаю. Я должен наполниться».

Деревья у Тогрула магмой извергаются из земли («Под старой чинарой»), из плющевых-извивающихся стволов буйно вытекают гибкие живучие ветви-реки, сплетаются, переплетаются, клубятся, продолжение земли, ее загустевший сок.

Недавно художник слушал Рихтера и думал, что, наверное, интересен и плотворен тот, кто постоянно прорывается сквозь мешающее, сдерживающее. Кто привыкает упорно шагать навстречу ветру и шторму, закаляется и преодолевает. Рихтер словно прорывался из тьмы к светлomu. Сражался и неуклонно продвигался вперед. И был в тот момент очень близок Тогрулу.

И в деревьях привлекает художника упругая корявость сражающейся плоти. Ветер выкручивает ветви, шторм треплет и пытается вырвать сам ствол, а дерево изгибается, сурово отхлестывается и выставляется.

Тогрул смотрит на природу, как будто он впервые на земле, и ему в глаза так неожиданно и бурно вомчались ее синие воды, голубые небеса, торжественно-ликующая зелень травы, мучительно-радостная пляска деревьев, яркие вспышки огромных красных гранатов. Он чувствует себя частью пейзажа, частью природы — как дерево, как скала, как небо...

Жар-птица

В буйно цветущем мире, созданном кистью Тогрула, хорошо живется детям. Они спокойно спят и видят цветные сны. Бегают и резвятся, чувствуя себя, как в красном, теплом, ласковом доме.

В картине-панно «Плодородье» темноокие мальчик и девочка стоят на ковре могучим деревом, укрытым могучей темной листвой, как в центре мироздания. Пест-

рые удоды летят к ним, нежные овечки пьют воду, плоды и цветы полыхают вокруг. А дети приемлют плодородие земли и как бы благословляют его.

Земля, родной край хранит детей. Скачет мальчишка на сиреневом коне, бежит за золоторунной овечкой чернотой длинноногая девочка-красавица, платье на ней горит ярким пламенем праздника... Синие потоки моря — жизни омывают эту картину покоя и счастья («В Талышских горах»). А в центре картины глава семьи, чабан, бережно держит самого маленького, его руки, руки отца, подобны могучим ветвям дерева, вознесшего и рассыпавшего над ними свои листья вечным шатром. Эти охранительные, животворные руки, только огромные, темные от труда, от земли, видим мы в картине «В мирные дни». Все стихии земли и неба держат они, рождают голубые вол-

ны жизни, окутывающие всю картину, и дарят резвящимся среди цветов и деревьев детям жар-птицу.

Дети и феи

Свой первый портрет Тогрул нарисовал в детстве — мелом на асфальте. Портреты у него как бы случайные. Желание написать портрет возникает стихийно.

...Мальчик сидел на подоконнике и читал Достоевского.

ПРИХОДИТЕ К ТОГРУЛУ

В Центральном Доме художника открыта выставка народного художника Азербайджанской ССР, лауреата Государственной премии СССР, лауреата премии Ленинского комсомола Азербайджанской ССР Тогрула НАРИМАНБЕКОВА.

Отвлёкся, взглянул на Тогрула, и тот уже не мог не нарисовать его тонкое, изящное, одухотворенное, словно накануне открытия тайны, лицо. Тогрула насторожила в нем обостренная незащищенность и привлекла настойчивость мечты: Сиххат хотел быть только художником.

«Люблю образы, которые нашли себя».

Тогрулу всегда были симпатичны непрактичные люди, аристократы духа, как он говорит, а не аристократы быта.

Старую добрую фею напоминает его няня Анна Андреевна. Когда-то в детстве читала она художнику толстый затрепанный том Пушкина...

А балетмейстер Наиля Назирова — фея страстная и роковая. Вещунья и цыганка. Из сказок «Тысяча и одна ночь» возникает ее белое, в ореоле небрежно разметавшихся черных прядей лицо. Три хрустальных луча охраняют и удерживают его. С дальней и древней загадкой смотрят черные, угаслые, с легкими отблесками театрального света

глаза. А бело-призрачные руки замерли перед тем, как породить мимолетные видения балета и взволновать золотые волны лож, уносящих и приближающих людей, зрителей.

Объяснение в любви

Своих самых любимых картин у Тогрула нет. Каждая хоть чем, да родная. Все-таки он им отец и мать. Все-таки они — живые.

Поднимается в мастерскую-мансарду по лестнице гость, и по картинам художник узнает: с чем он идет, кто он. Если с добром, с душой взволнованной — картины хорошеют.

А если идет человек, лишенный поэзии и романтики, лица картин корежатся, искажаются — «кажутся кривыми и косыми, вянут, как цветы».

Картини живые, потому что Тогрул покоряется чувству. Они — объяснение в любви солнечному краю, Азербайджану, и его людям.

Тогрул вскакивает на лошадь и, минуя горные реки, поднимается к Шахдагу. Скалы, могучие деревья, озера, утреннее солнце... Его прекрасный край!

В юности, когда Тогрул жил в Самарканде, с утра отправлялся в старый город, сидел в чайхане рядом с погонщиками верблюдов, смотрел, как они моют животных, чинят сбрую... Каждый казался ему похожим на древнего философа. И сейчас он часто встречается с нефтяниками и

пастухами. Рисует их и их детей, полевые станы, добрую мирную жизнь, в которой живет и сам он, многоликий Тогрул.

...Его отражает зеркало («Автопортрет»), трельяж, стоящий на століке, где распласталась палитра. Главный лик — вдохновенный, строгий, страдающий — лик художника, над ним маленьким путеводным солнцем горит красный гранат в золотом венчике, царь фруктов, знак его герба. Второй лик — сосредоточенный и благоговейный — певца (а Тогрул еще и профессиональный певец), исполняющего романс из «Любовного напитка» Доницетти: «Лучшее испытание для тенора». И, наконец, третий лик — лихой удалец со взметенными волосами, овеянный добрым весельем, смеется лукаво и крепко держит в руке рог с вином, как рог избобилия. Все это он, один и тот же Тогрул — зачинатель стихий. Бушует вокруг, пенится цветом его сад, сад его жизни. А за этим садом, конечно, его любимый город Баку: Девичья башня, мечети, дома...

«Башня девичья оперлась на ветер...» — так пишет Тогрул в своем стихотворении.

Тогрул очень любит «город из камня с черными крышами». Часто приходит в старую крепость, смотрит на древние стены: «острее чувствуешь современность», замечает, как в узких улочках «ломается» ветер. Ветер прокрадывается и набрасывается на город, как завоеватель и злой возлюбленный. А город, защищаясь, неуклюже и тесно сгрудился у моря, стал частью пейзажа.

Гордость полета

Приходит час, и Тогрул подходит к стене. Он пишет «лентами», спиралями сверху вниз, как бы спускаясь живописной дорогой. В театре кукол три большие стены расписаны им по мотивам народных сказок.

Он подходит к стене, когда воображение уже создало огромное панно. А день так мал. Он успевает заселить лишь крохотную часть стены. Ее ослепительно белая пусты-

ня кошмаром нависает над ним, когда он уходит домой. Тогрул видит сны, переходящие в явь, и схватывается спозаранку. Пяти еще нет, он снова у стены. И так каждый день...

Там, наверху, на лесах, в одиночестве он отрывается ото всех — творец и демург — лихорадка созидания сотрясает все его существо. И, может быть, живет в нем гордость полета. А потом спускается вниз, к малярам, мраморщикам, столярам — они принимают его как своего, рабочего человека, он гордится этим.

И сцена тоже влечет его: «Замечательная возможность увидеть свою живопись на стене в масштабе фрески». Он оформляет балетные спектакли «Тысяча и одна ночь», «Сказание о Насими», «Тени Кобыстана»...

А перед тем едет в Кобыстан, и не древние наскальные изображения привлекали его прежде всего. Глядя на «лунный пейзаж» этой степи, украшенной «гнездами» скал, Тогрул думал: будто с неба бросили каменный кубшин, и он разбился. Темные глаза пещер волновали его. От степи, скал, пещер и магических знаков веяло вечностью.

* * *

Приходите в гости к Тогрулу, если вы не боитесь прекрасного и яростного вихря жизни, мчащегося по стенам выставочного зала.

Земной и сочный мир художника соткан из легенд и народных сказаний, в нем сквозит мудрый Древний Восток и слышен стремительный бег сегодняшнего дня.

А Тогрулу все хочется большего, небывалого: стать вулканом, «чтобы живопись была, как лава, как извержение...» Чтобы на картинах соединились вместе и то, что над землей, и что на земле, и что пол землей. Иногда кажется ему: удалось, совершил. Но тут же он понимает: живопись непостижима до конца, неисчерпаема, бесконечна.

И он снова идет к холсту, снова поет песни, снова пишет стихи...

В. ЛИПАТОВ.

24 СЕН 1983

Немного о правде
г. Москва